
К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

О.Ю. Малинова

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА КАК СИМВОЛИЧЕСКИЙ РЕСУРС: ЭВОЛЮЦИЯ ОТОБРАЖЕНИЯ В ОФИЦИАЛЬНОЙ РИТОРИКЕ 2000–2010 гг.*

Малинова Ольга Юрьевна – доктор философских наук,
главный научный сотрудник ИНИОН РАН,
профессор НИУ ВШЭ, профессор МГИМО (У) МИД России.

Современные макрополитические сообщества мыслятся по модели нации, которая предполагает многовековую преемственность поколений. Отчасти в силу этого, а отчасти по причине того, что в эпоху Модерна идея истории вообще выступает в качестве фундаментального принципа воображения социального порядка, апелляция к прошлому является неотъемлемым атрибутом политической риторики. Когда речь идет о легитимации и делегитимации существующего режима, политическом целеполагании, мобилизации поддержки, критике оппонентов и пр., отсылки к «коллективной памяти» оказываются весомыми аргументами. Предполагается, что они подкрепляют нормативные и причинные утверждения «эмпирическим» опытом предков.

Используя этот ресурс, публичные политики участвуют в дискурсивном конструировании «памяти» о национальном прошлом. При этом они оперируют наличным репертуаром исторических событий и фигур, которые известны широкой аудитории и способны вызывать ожидаемую реакцию. Чтобы быть политически пригодными, символы прошлого должны быть закреплены не только в параграфах школьных учебников, но и в художественной литературе, кинематографе, документальных фильмах, музеях, памятниках, топографии публичного пространства, национальных праздниках и ритуалах, личном опыте индивидов, передаваемом через живое общение и др. Имеет значение и то, в какой мере доминирующие интерпретации исто-

---

* Исследование проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 11-03-00202 а.

рических событий подвергаются оспариванию, и в частности – как они используются оппонентами.

С этой точки зрения «тысячелетняя история» России – богатый, но трудный ресурс для политических антрепренеров, занятых конструированием макрополитической идентичности. Прошлый век оставил им нелегкое наследие: многие события, память о которых настойчиво культивировалась в советский период, затем подверглись переоценке. В то же время многое из того, что служило опорой идентичности до революции, в СССР оказалось «репрессирувано» и предано забвению. Что не менее существенно – утратил былую несомненность метанарратив прогресса, обеспечивавший смысловую рамку для интерпретации истории XX в.

В этом контексте память о Великой Отечественной войне оказывается особенно ценным символическим ресурсом: будучи основательно институционализована в предыдущие периоды, она транслируется через разные каналы социализации, благодаря чему отличается уникальной органичностью. Кроме того, она может быть вписана в широкий спектр культурно укорененных фреймов¹, начиная с вариаций на тему героизма и национальной славы («защитники свободы», «спасители цивилизации» и т.п.) и заканчивая дискурсом жертвы, чьи страдания требуют моральной компенсации. В силу этого символ войны содержит широкие возможности для конструирования положительного окрашенного образа Нас в разных контекстах. Наконец, хотя память о Великой Победе с течением времени неизбежно подвергается реинтерпретации, в России никто всерьез не ставит под сомнение значение данного события – в отличие, например, от Украины, где оценка событий Второй мировой войны является предметом острых споров [см.: Shevel, 2011; Журженко, 2013]. Неудивительно, что символ Великой Отечественной войны стал главной опорной конструкцией современной российской идентичности.

Вместе с тем наличие широкого общественного консенсуса относительно значимости Великой Победы не означает отсутствия конкуренции разных интерпретаций войны и предшествовавших, а также вытекавших из нее событий. Официальная версия памяти о войне также не оставалась неизменной². С начала 1990-х годов новая российская власть стремилась вписать это событие в конструируемый ею «критический» нарратив национального

---

1. Под «фреймами» здесь понимаются устойчивые когнитивные структуры, которые обеспечивают метакоммуникативное определение ситуации, задавая таким образом смысловые рамки для ее репрезентации и понимания.

2. Подробнее об эволюции практики политического использования символа Великой Отечественной войны см.: Малинова, 2015, гл. 3.

прошлог³, представляя войну как *подвиг народа, а не коммунистической партии и советского государства*. Переоценка «советского эксперимента» позволила акцентировать страдания народа, оказавшегося жертвой не только жестокого врага, но и бесчеловечного режима. Это придавало особое звучание теме героизма и патриотизма советского народа, одержавшего победу не столько благодаря, сколько вопреки «системе». В своих речах по случаю Дня Победы Ельцин неизменно интерпретировал это событие как «символ мужества, патриотизма, самоотверженности» людей, но не заслугу государства и «советского строя» – в отличие от В.В. Путина, который стал говорить о Великой Победе с точки зрения преемственности советской и российской государственности.

В настоящей статье на основе изучения риторики В.В. Путина и Д.А. Медведева мы попытаемся проследить, как менялись практики политического использования символа Великой Отечественной войны российской властью в 2000–2010-х годах.

Путинский курс на частичную «реабилитацию» советского наследия в рамках «тысячелетней истории» открывал более широкие возможности для использования символа победы по сравнению с ельцинской формулой «заслуги нашего народа, но не советского строя». Новый подход к репрезентации коллективного прошлого позволял выстраивать генеалогию современного Российского государства по принципу *menu à la carte*: в отсутствие детализированной смысловой схемы, связывающей отдельные эпизоды общим сюжетом, наиболее очевидным принципом риторического использования истории оказывалась апелляция к отдельным событиям. И здесь основательно укорененный в массовом сознании и несущий безусловно позитивные коннотации *символ* Великой Победы оказывался уникальным ресурсом. Неслучайно в 2000-х годах он стал широко использоваться в различных политических контекстах. Однако поскольку новый подход не предполагал «проработки трудного прошлого», с вписыванием войны как сложного и противоречивого комплекса событий в общий *нарратив* возникали сложности. С одной стороны, «критический» нарратив 1990-х не был официально дезавуирован, и в выступлениях В.В. Путина и Д.А. Медведева можно обнаружить немало негативных оценок советского прошлого. С другой стороны, активное

---

3. «Национальный нарратив» понимается здесь как смысловая схема исторического повествования, которая описывает и «объясняет» генеалогию сообщества, полагаемого нацией, устанавливая связи между событиями. Особенностью смысловой схемы отечественной истории, представленной в речах Б.Н. Ельцина и других представителей властвующей элиты 1990-х годов, было стремление противопоставить «новую», постсоветскую Россию, старой – советской и дореволюционной, опирающейся на критическую переоценку национального прошлого [см.: Малинова, 2015].

использование (положительно окрашенного) символа Великой Победы побуждало настроенно относиться к любым попыткам его критической интерпретации.

**Эволюция представления памяти
о Великой Отечественной войне в официальных речах
по случаю Дня Победы**

Анализ содержания официальных выступлений президентов В.В. Путина и Д.А. Медведева по случаю Дня Победы, доступных на портале «Президент России», наглядно демонстрирует последовательную диверсификацию символической нагрузки данного события (см. далее табл. 1). Объектами изучения стали речи, произнесенные во время празднований Дня Победы⁴ в 2000–2014 гг.; в качестве основного был использован метод анализа фреймов, широко применяемый в исследованиях политических коммуникаций. Понятие фреймов было введено в научный оборот И. Гофманом [Гофман, 2004] для изучения влияния коллективно разделяемых когнитивных моделей на восприятие индивидами социальных ситуаций и их поведение. Исходя из данного подхода, следует предположить, что сообщения, содержащиеся в публичных выступлениях политиков, «сконструированы таким образом, чтобы вызывать вполне определенные ассоциации» [Simon, Xenos, 2000, p. 367]. Это означает, что спикеры сознательно стремятся подчеркнуть определенные аспекты, смыслы и интерпретации исторических событий, которые кажутся им значимыми в данном контексте. Репертуар фреймов отражает, с одной стороны, преемственность практики интерпретации символа Великой Победы, а с другой – его смысловое обновление. Я попыталась выделить основные фреймы, использовавшиеся для репрезентации памяти о войне. Целью анализа было зафиксировать факты использования тех или иных фреймов и таким образом проследить динамику смыслового репертуара; задача подсчета частоты высказываний не ставилась.

Как видно из таблицы 1, есть четыре темы, которые неизменно находят отражение в официальных речах по случаю Дня Победы: это дань памяти жертвам войны и пережитым страданиям (фрейм 1), благодарность ветеранам, нередко подкрепляемая заявлениями о мерах материальной поддержки (фрейм 2), рассуждения о преемственности поколений (фрейм 3) и констатация политических уроков войны (фрейм 15). Все эти фреймы с некоторыми

---

4. Установившийся в 2000-е годы канон празднования Дня Победы включал выступления главы государства на военном параде на Красной площади и на торжественном приеме в Кремле; в некоторые годы к этому добавлялись встречи с ветеранами и др. мероприятия. Предметом анализа были все речи, произнесенные в рамках празднования очередной годовщины Победы в Великой Отечественной войне.

вариациями продолжают традиции выступлений советского руководства. Преемственность особенно очевидна в случае «уроков войны»: хотя соответствующий раздел речи первого лица каждый раз пишется применительно к контексту, его основной идеей является подтверждение значимости неких международных принципов, ратуя за которые Россия предстает в роли хранительницы исторического опыта, выстраданного в годы войны⁵.

Что действительно является новым в речах путинско-медведевского периода, так это настойчивое стремление использовать память о Великой Отечественной войне для конструирования идентичности сообщества, стоящего за новым Российским государством. Тенденция к «национализации» памяти о войне⁶ отчетливо прослеживается на примерах фреймов 4–8: удачные находки тиражируются, превращаясь в устойчивые риторические формулы. И Путин, и Медведев продолжили ельцинскую тему Дня Победы как праздника *национального единства*, спланивающего *россиян* независимо от поколенческих и идеологических различий (фрейм 4)⁷. Вместе с тем интерпретация символа Великой Отечественной войны в контексте «тысячелетней истории» открывала широкие возможности и для его использования в рамках двух других лейтмотивов национализма, выделенных Э. Смитом – *национальной идентичности* и *национальной автономии* [Смит, 2004, с. 343]. В речах Путина и Медведева война стала представляться как триумф национального характера. Так, 9 мая 2000 г. В.В. Путин говорил: *«Дорогие фронтовики, с вами мы привыкли побеждать. Эта привычка вошла нам в кровь, стала залогом не только военных побед. Еще не раз она выручит в мирной жизни, поможет нашему поколению выстроить сильную, процветающую*

---

5. Это могут быть рассуждения о важности поддержания мира, отхода от «идеологии конфронтации и экстремизма» или о необходимости «строгого соблюдения международных норм» и «уважения государственного суверенитета». Существенно в данном случае то, что «у нас есть великое моральное право – принципиально и настойчиво отстаивать свои позиции, потому что именно наша страна приняла на себя главный удар нацизма, встретила его героическим сопротивлением, прошла через тяжелейшие испытания, определила сам исход той войны, сокрушила врага и принесла освобождение народам всего мира» [Путин, 2012а].

6. По определению Т. Журженко, «национализация памяти связана с реинтерпретацией советского нарратива о Великой Отечественной войне, переоценкой ее основных событий, действующих лиц и основных итогов в процессе конструирования постсоветскими элитами новых национальных идентичностей и национальных «культур памяти»» [Журженко, 2013, с. 94].

7. Ср.: «...сегодня праздник Победы объединяет россиян независимо от убеждений и политических пристрастий» [Ельцин, 1999]; «Сегодня мы отмечаем самый народный праздник. И гордимся тем, что у нас есть такой день, день нашего национального единения» [Путин, 2004а]; праздник, «который уже навеки стал символом нашего национального единства» [Медведев, 2008а].

страну, высоко поднимет российское знамя демократии и свободы...» [Путин, 2000а]. В этом контексте призыв к «реабилитации» советского наследия звучал по-человечески органично: *«Тот, кто пытается отнять у ветеранов их весну и их молодость, полную жизненных планов и надежд. Для них это была эпоха послевоенного обретения себя... Это действительно была эпоха нашего возрождения»* [Путин, 2000б]. Освобожденная от бремени коммунистического наследия и представленная под сугубо «человеческим» углом, память о войне становилась ценнейшим материалом для конструирования национальной идентичности в новых геополитических границах⁸, но на основе «тысячелетней» преемственности.

С разными вариациями тема Победы как проявления российского национального характера (фрейм 5) и в дальнейшем звучала в официальных речах Путина и Медведева. *«До сих пор мы удивляем мир силами нашей Родины, удивляем своей стойкостью и мощью, – говорил второй президент РФ, связывая тему войны с идеей “сильного государства”. – Но, собственно говоря, в этом нет ничего удивительного... Этот дух, эта вера достались нам от вас, дорогие наши ветераны. Ваша судьба и ваши подвиги – ...пример для тех, кто поднимает наше новое сильное государство. Россия испокон веку была страной-победительницей. Страной мирной, но уважающей и себя, и свое национальное достоинство. Такой она останется и впредь»* [Путин, 2000б]⁹. 9 Мая представлялось как *«вершина нашей славы»* [Путин, 2004а], день, *«который объединяет сейчас всех граждан России»* [Путин, 2012а], а война – как событие, которое *«сделало нас сильной нацией»* [Медведев, 2010в].

Война стала рассматриваться как кульминационная точка нарратива о «тысячелетней истории» России (фрейм 6). В разные годы, стоя на трибуне мавзолея, Путин и Медведев рассуждали о том, что парад происходит *«на исторической Красной площади, ...исхоженной ратниками разных времен...»* [Путин, 2000б]; что *«люди, прошедшие войну, за короткое время подняли страну из руин, ...первыми прорвались в космос...»* [Медведев, 2011в];

---

8. «Человеческое» измерение Победы служило удобным мостиком и к теме «национальной автономии». См., например, ее развитие в речи Д.А. Медведева: *«Есть вещи, которыми нельзя поступать ни при каких обстоятельствах, – это свобода людей, достоинство страны и покой родного дома. Это дорого каждому и делает нас единой, сильной нацией»* [Медведев, 2011б].

9. Ср. аргументацию Д.А. Медведева в программной статье *«Россия, вперед!»*: *«Народ, победивший жестокого и очень сильного врага в те далекие дни, должен, обязан сегодня победить коррупцию и отсталость. Сделать нашу страну современной и благоустроенной»* [Медведев, 2009б].

что ветераны Великой Отечественной *«черпали силы в славных традициях русского воинства»* [Путин, 2012а] и др.

В речах третьего президентского срока В.В. Путина особое значение уделяется теме «всепобеждающей силы патриотизма» (фрейм 7), что, по-видимому, неудивительно, учитывая высокий статус этого «ключевого слова» в современном дискурсе властвующей элиты. Примечательно, однако, что в более ранних речах тема патриотизма участников Великой Отечественной войны специально не педалировалась. Она становится частью риторики праздничных мероприятий в 2010–2011 гг., но скорее в практическом ракурсе: в последние два года своего президентства Д.А. Медведев накануне Дня Победы проводил встречи с ветеранами, посвященные военно-патриотическому воспитанию. Иное звучание «патриотизм» приобретает в речах В.В. Путина: он настойчиво предлагает видеть в Дне Победы *«святой символ верности Родине, который живет в каждом из нас»* [Путин, 2013б]; *«праздник, когда торжествует всепобеждающая сила патриотизма, когда все мы особенно остро чувствуем, что значит быть верным Родине и как важно уметь отстаивать ее интересы»* [Путин, 2014в] и т.п.

Любопытно, что, конструируя новую идентичность по лекалам политкорректности, заданным советской национальной политикой, спичрайтеры президентов РФ время от времени использовали формулу «победы как общего достояния братских народов СССР» (которая теперь относилась к «внешнеполитическим» разделам выступлений – фрейм 9) и для того, чтобы подчеркнуть единство «многонационального» российского народа (фрейм 8). 9 Мая рассматривается теперь как *«общий праздник народов России и стран Содружества Независимых Государств»* [Путин, 2004а], вновь и вновь подчеркивается, что *«в те грозные годы плечом к плечу сражались с врагом люди самых разных национальностей»* [Медведев, 2008а], что *«война лишила жизни десятки миллионов людей, граждан многих возрастов, многих стран, национальностей, вероисповеданий»* [Медведев, 2010в]; судьба ветеранов рассматривается как *«пример для всех поколений нашей большой, многонациональной страны»* [Путин, 2012б], патриотизм представляется как фактор, который *«и сегодня сплачивает народы России»* [Путин, 2013в] и др. В 2014 г. в речах по случаю Дня Победы впервые параллельно с рассуждениями о *«сплоченности многонационального, многоконфессионального народа»* [Путин, 2014б] появилась также тема географии большой страны, причем не только в связи с присоединением Крыма¹⁰. В речи на торжественном приеме Путин, вспоминая о подвигах в тылу, перечислял регионы, ставшие «для

---

10. Выступая в Севастополе, Путин подчеркивал *«огромный нравственный вклад» ветеранов «в то, что Крым и Севастополь возвратились в родную страну»* [Путин, 2014г].

тысяч эвакуированных... родным домом» – Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток, а также республики Средней Азии и Закавказье [Путин, 2014б].

Переформатирование коснулось также внешнеполитических проекций темы Великой Отечественной войны. День Победы традиционно использовался как повод напомнить о символических границах, объединяющих или разделяющих Нас и Других. В праздничных речах президентов РФ нередко присутствовала тема нерушимости «братства и сотрудничества» бывших советских республик, скрепленных общей памятью о войне (фрейм 9). При этом спичрайтеры виртуозно жонглировали идеей «единства памяти», применяя ее то ко всему Советскому Союзу, то лишь к Содружеству Независимых Государств, чтобы «застолбить» границы так, где это представлялось политически целесообразным. Например, в год празднования 60-летия Победы, омраченного международными скандалами в связи с отказом глав Прибалтийских государств участвовать в торжествах, Путин, рассуждая о тяжести потерь, понесенных «всеми народами и республиками *Советского Союза*», заключал: «И потому 9 Мая – священная дата для всех стран *Содружества Независимых Государств*». Таким образом, очерчивая круг тех, с кем у нас «единая скорбь, единая память и единый долг перед грядущими поколениями», он демонстративно исключал из него Прибалтийские государства [Путин, 2005б].

Нужно отметить, что традиция представлять память о Победе как общее достояние, сплавляющее страны СНГ, была заложена еще Ельциным. Например, в 1995 г. в День Победы он поздравлял «*фронтовиков, живущих во всех странах Содружества Независимых Государств и за их пределами*» [Ельцин, 1995а]. Однако различие между двумя юбилейными речами очевидно. Слова первого президента России обращены к *людям*, разделенным государственными границами, но объединенным общей памятью. Путинская же формулировка относится к *странам*, которые общая память побуждает укреплять символические границы, передавая потомкам «*дух нашего исторического родства*» [Путин, 2005б]. Прибалтийские государства, настаивающие на собственной интерпретации событий Второй мировой войны, кардинально не совпадающей с нарративом, преобладающим в России, оказывались в числе Других, которые демонстративно не подлежат упоминанию в торжественный момент праздника.

Стоит отметить, что та же формула умолчания использовалась применительно к другим посткоммунистическим странам. Обязательные для речей советского времени упоминания об успехах народной демократии как одном из благотворных последствий победы Красной армии над фашизмом по понятным причинам стали неактуальны. Однако и переработки данного аспекта официальной версии нарратива о войне не произошло. Поэтому тема памяти о войне применительно к Восточной Европе скрыта за общими упоминаниями

об «освобожденных народах Европы» и «подвигах антифашистского сопротивления»¹¹.

Зато также следуя давней традиции, в своих обращениях 9 Мая президенты России систематически вспоминали о союзниках по антигитлеровской коалиции, используя эту возможность не только для того, чтобы подтвердить приверженность традициям сотрудничества и обозначить новые проблемы, требующие совместного решения (фрейм 12)¹², но и для того, чтобы покритиковать западных партнеров (фрейм 13), апеллируя к политическим урокам войны (фрейм 15)¹³. Впрочем, эти фреймы едва ли могут рассматриваться как новшество: прямая или завуалированная критика союзников под флагом воспоминаний об успехах бывшего сотрудничества вставлялась в праздничные речи первых лиц еще с советских времен. Одна из причин, по которым победа над фашизмом так важна для советской и российской идентичности, заключается в том, что это событие имеет огромный символический потенциал для репрезентации Нас как равных и даже в некоторых отношениях морально превосходящих Значимого Другого, традиционно именуемого «Западом». Неудивительно, что руководители России и СССР не упускали случая воспользоваться этим преимуществом.

Выступления в День Победы не могли обойтись и без упоминаний о бывшем Враге (фрейм 10). Очевидно однако, что пассажи о «преступных злодеяниях» фашистов вставлялись в тексты речей российских президентов не для того, чтобы проецировать образ Врага из прошлого в настоящее, а с целью подчеркнуть масштаб предотвращенной катастрофы, тяжесть страданий и величие героизма «нашего народа». В некоторых случаях напоминания о событиях войны дополнялись рассуждениями о значимости «историче-

---

11. Примечательно, что в 1995 г., когда «войны памяти» еще не начались, Ельцин, перечисляя тех, чей вклад в победу «мы всегда будем помнить», наряду с «народами Соединенных Штатов, Великобритании, Франции, Китая» называл Польшу и Югославию [Ельцин, 1995а].

12. Например, в 2005 г. Путин говорил об опасностях экстремизма и расизма, «которые не менее безжалостны, чем нацизм» [Путин, 2005г]; в 2007 г. вспоминал о неких «новых угрозах», которые обусловлены «все тем же презрением к человеческой жизни, теми же претензиями на мировую исключительность и диктат», что и во времена «третьего рейха» [Путин, 2007] и т.п.

13. Этот фрейм особенно настойчиво использовал Д.А. Медведев, который вынужден был опираться на память о войне для легитимации своей позиции в конфликте с Грузией в августе 2008 г. Выступая на параде 9 Мая 2009 г. он особо подчеркивал, что урок войны «актуален и сегодня, когда вновь находятся те, кто идет на военные авантюры» [Медведев, 2009а]. В 2010 г., делая прозрачные намеки на США, президент РФ говорил: «Война показала, к какой страшной черте могут подвести претензии на мировое господство. Насколько опасны попытки силового давления на свободные народы, на суверенные государства» [Медведев, 2010б].

ского примирения между Россией и Германией» [Путин, 2005г] и позитивной оценкой «сбалансированной позиции» руководства ФРГ в вопросах политики памяти [Медведев, 2011б].

В этой связи обращает на себя внимание отсутствие упоминаний не только о Германии и партнерах по антигитлеровской коалиции, но и о братских народах СНГ в речах 2013–2014 гг.

Наконец, тема Победы открывала широкие возможности для артикуляции «общечеловеческих» принципов. Представляя современную Россию защитницей либеральных ценностей (фрейм 16), президенты РФ и их спичрайтеры стремились вписать российскую память о войне в европейский нарратив «освобождения», который связывал победу во Второй мировой войне «с идеей демократии, воплощением которой явилось восстановление демократического порядка в той части Европы, которая была очищена от «коричневой чумы» войсками западных союзников» [Торбаков, 2012, с. 106]. Ключевыми идеями здесь были справедливость¹⁴, свобода¹⁵, права человека и прочный мир. Однако «либеральной» реинтерпретации подвергалось советское прошлое. И здесь особенно очевиден контраст с подходами 1990-х. В 1995 г., когда Ельцин говорил о том, что завершение холодной войны позволяет в полной мере воспользоваться плодами победы 1945 г., превратив Европу в «единое сообщество демократических наций», общность ценностей связывалась с будущим, в которое «человечество войдет, навсегда отринув страшные понятия: “тоталитаризм”, “национальная ненависть”, “мировая война”» [Ельцин, 1995а]. Когда же Путин спустя десять лет рассуждал о том, что «победа 45-го высоко подняла ценность и самой жизни, призвала к истинному уважению к личности и правам человека», – он отождествлял с этими либеральными формулами советский опыт, «забывая» про те его аспекты, которые в них не вписывались [Путин, 2005 г.].

---

14. В праздничных речах часто присутствовала тема Победы как «справедливости». См. у Путина: «В этот день свершилась величайшая справедливость в мировой истории. Победа стала главной наградой за пережитое в годы войны...» [Путин, 2003а]; «9 мая 45-го года свершилась величайшая справедливость» [Путин, 2005 г.].

15. Например, в выступлении на торжественном приеме в 2005 г., имевшем место в разгар международного конфликта по поводу интерпретации 9 мая, Путин развил тему свободы словами: «В борьбе с нацизмом были отвоеваны права людей на свободу, на саму жизнь, на самостоятельный выбор пути развития...» [Путин, 2005 г.]. Последняя фраза, формально продолжая ряд либеральных ценностей, в действительности означала поддержку традиционной советской интерпретации событий 1944–1945 гг., против которой официально выступило руководство государств Прибалтики и Польши.

Таблица 1

**РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СИМВОЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В ОФИЦИАЛЬНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ В.В. ПУТИНА И Д.А. МЕДВЕДЕВА
ПО СЛУЧАЮ ДНЯ ПОБЕДЫ, 2000–2014**

<i>Фреймы репрезентации символа Великой Отечественной войны</i>	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Память о павших; война как история страданий и жертв (1)	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
Благодарность ветеранам (2)	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
Преемственность поколений (3)	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
Праздник, который всех объединяет (4)	X	X	X	X	X	X		X	X		X	X	X		X
Война как выражение национального характера (5)	X	X	X	X	X	X	X		X	X	X	X	X	X	X
Война как часть нарратива национальной истории (6)	X		X						X		X	X	X	X	X
Война как демонстрация силы патриотизма (7)											X	X	X	X	X
Война как общее дело «многонационального народа РФ» (8)					X	X			X		X	X	X	X	X
Общее достояние народов СНГ (9)	X	X		X	X	X		X	X	X	X	X	X		
Память о враге (10)			X	X		X	X				X		X		
Сотрудничество с Германией в области «политики памяти» (11)						X						X			
Опыт солидарности с партнерами по антигитлеровской коалиции (12)			X	X	X	X		X	X	X	X	X	X		
Критика западных партнеров (13)										X	X		X		
Задача укрепления Вооруженных сил (14)	X	X	X						X	X		X			
Политические уроки войны (15)	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X		X
Война как напоминание о фундаментальных «общечеловеческих» / «европейских» ценностях (16)		X				X					X	X	X		

Подводя итоги анализа официальных праздничных выступлений можно констатировать, что в 2000-х годах имело место не только активное использование символа Великой Победы с политическими целями, но и существен-

ное расширение его репертуара за счет изобретения новых фреймов. Инновации были связаны с артикуляцией ключевых тем «дискурса о нации» – национальной идентичности, автономии и единства, а также с возможностью репрезентировать Россию как «равную» и «подобную» «Западу»¹⁶. И то, и другое стало возможным за счет изменения подхода к работе с советским прошлым: отказавшись от критического нарратива 1990-х годов, властвующая элита сделала выбор в пользу избирательного использования «удобных» фрагментов коллективного прошлого на основе весьма схематично очерченной идеи «тысячелетней истории» становления России в качестве «великой державы». В отсутствие детально проработанного нарратива память о Великой Отечественной войне оказалась наиболее «пригодным» для политического использования ресурсом, поскольку она была хорошо укоренена в массовом сознании, отличалась символической «поливалентностью» и не подвергалась серьезному оспариванию. Не случайно Н.Е. Копосов высказал предположение, что миф о войне в постсоветской России выполняет функцию «мифа происхождения»¹⁷, которую в силу резкого расхождения оценок не могут выполнять события, связанные с распадом СССР. На мой взгляд, правильнее было бы говорить о стремлении властвующей элиты придать символу Великой Победы значение «мифа происхождения» в отсутствие целостного нарратива коллективного прошлого, который, собственно, и должен определять смысл(ы) конкретных событий. Вместе с тем очевидно, что память о Великой Отечественной войне благодаря ее интенсивной «эксплуатации», с одной стороны, и укорененности в массовом сознании – с другой, выступает в качестве едва ли не главной узловой точки современной российской идентичности.

---

16. В 2000–2007 гг. в речах В.В. Путина достаточно последовательно воспроизводилась новая модель коллективной самоидентификации по отношению к Другому, традиционно именуемому «Западом», которая сочетала «западническое» представление об общности целей и ценностей России и «Запада» с «почвенническим» акцентом на самобытный способ их реализации, пытается представить Россию как актуально (а не только потенциально) подобную и равную Значимому Другому и даже способную служить ему образцом в осуществлении общих ценностей [Малинова, 2008].

17. «Миф происхождения» (*myth of origin*) – это фундаментальный миф об историческом моменте, когда «нация» кристаллизовалась в своей «современной» форме [Schopflin, 1997, p. 33–34; Coakley, 2007, p. 542–543]. По мнению Копосова, миф о войне в каком-то смысле изначально имел такие функции, ибо легитимировал новые советские формы социальной организации, прошедшие «проверку» войной. В современных условиях «миф о войне в концентрированном виде выражает историческую концепцию нового режима» [Копосов, 2011, с. 163–164].

«Фальсификации истории» и другие вызовы официальной версии памяти о Великой Победе

Данное обстоятельство побуждает властвующую элиту особенно ревниво относиться к попыткам ревизии развиваемого ею нарратива о Великой Отечественной войне. Между тем превращение символа Великой Победы в главную опору постсоветской российской идентичности совпало с трансформацией *режимов памяти*¹⁸ в Европе. Причины и характер этого процесса достаточно обстоятельно описаны в литературе [см.: Judt, 2004; Kattago, 2009; Mälksoo, 2009; Торбаков, 2012; Mink, Neumaier, 2014 и др.]. Считается, что вплоть до 1989 г. европейская «мнемоническая карта» определялась безусловным доминированием «нарративов победителей» – советского в Восточной Европе и западных союзников – в Западной. Несмотря на существенные различия, общим в них было то, что в качестве единственной виновницы войны рассматривалась нацистская Германия, фашизм объявлялся главным злом, а победа над ним представлялась как достижение широкой коалиции, к которой примыкали движения сопротивления в оккупированных странах. Эта интерпретация существенно упрощала реальные события 1939–1948 гг., поощряя «коллективную амнезию» относительно «неудобных» фактов – довоенной политики умиротворения агрессора, коллаборационизма, местного антисемитизма, выгод от войны, полученных некоторыми группами населения оккупированных стран, и геополитических приобретений в результате послевоенного урегулирования.

Впрочем, «нарративы победителей» не оставались неизменными. В 1970–1980 гг. главным элементом памяти о Второй мировой войне в Западной Европе стал холокост, в силу чего «освободительный нарратив» со временем был дополнен темой коллективной вины европейцев, допустивших это зло. А в СССР в тот же период происходила консолидация «брежневской» версии нарратива о Великой Победе, прославлявшей героический подвиг советского народа, принесшего мир и свободу Европе. Пересмотрев ельцинскую

---

18. Концепция «режима памяти» была разработана Эриком Лангенбахером в качестве аналитического инструмента для изучения коллективной памяти как динамического элемента политической культуры. По мысли американского исследователя, «не всякая потенциально разделяемая память имеет одинаковое влияние или одинаковую власть. Плюрализм потенциальных памятей ограничен, что ведет к формированию их иерархии» [Langenbacher, 2011, p. 33]. Последняя является одним из наиболее важных компонентов актуального режима памяти. К сожалению, автор не дает определения вводимого им понятия, ограничиваясь выделением его компонентов, к числу которых он относит (1) доминирующую социальную память, (2) стоящую за нею систему ценностей («уроки»), (3) поддерживающие первое и второе морально-этические дискурсы, а также большие исторические нарративы, описывающие (4) главное историческое событие, породившее память и (5) историю самой памяти [Ibid., p. 30].

концепцию «новой России» в пользу «тысячелетней истории великой державы» и отказавшись от «проработки трудного прошлого» ради формирования позитивного образа Нас, В.В. Путин и его единомышленники фактически сделали выбор в пользу «брежневской» смысловой схемы, акцентирующей роль советского народа-освободителя, но оставляющей в тени события 1939–1941 гг., а также роль Красной Армии в формировании послевоенной политической карты Восточной Европы. Хотя «реабилитация» советского опыта носила избирательный характер, именно миф о Великой Победе в силу его значимости в качестве опоры российской идентичности и основания для притязаний России на статус великой европейской державы, приобретал значение «последнего бастиона», который необходимо защищать любой ценой.

Изменения геополитической карты Европы после 1989 г. – падение коммунистических режимов, объединение Германии и последующее расширение ЕС – повлекли за собой «размораживание» альтернативных версий памяти о войне, которые в послевоенный период успешно подавлялись. В условиях трудного посткоммунистического транзита реинтерпретация трагической истории XX в. стала одним из главных инструментов легитимации новых политических режимов в Восточной Европе. Критика позднесоветского военного нарратива была наиболее очевидным способом решения этой проблемы, поскольку она позволяла переложить вину за издержки коммунистических режимов на Советского Другого. Кроме того, для новых независимых государств, унаследовавших территории, включенные в состав СССР в 1939 г., миф о «советской оккупации» был центральным элементом историй о возрождении утраченной национальной государственности. Таким образом, память о Великой Отечественной / Второй мировой войне оказалась наиболее важным ресурсом символической политики не только в России, но и в соседних странах; при этом объектами коллективного «вспоминания» или «забывания» оказывались разные аспекты общего прошлого. Каждая из сторон стремилась навязать свою версию мифа о войне, рассматривая ее как опору национальной идентичности и инструмент борьбы за статус на международной арене.

Следует заметить, что восточноевропейский «контрнарратив» оспаривал не только российский, но и западноевропейский режим памяти, ибо стремление поставить на одну доску преступления нацистского и сталинского режимов шло вразрез с представлением об уникальности злодеяний нацизма и единственности холокоста. Последний, по словам С. Каттаго, стал «особым элементом современной европейской истории», поскольку служит не только аргументом в пользу защиты прав человека, но и «своего рода негативным основанием обновления Европы после Второй мировой войны» [Kattago, 2009, p. 384–385]. «Конфликт нарративов» неслучайно вступил в открытую фазу именно в 2005 г., при подготовке к празднованию 60-летия – первой

юбилейной коммеморации, проходившей после расширения НАТО и ЕС. Эстонский политолог М. Мялксоо не без оснований усматривает в попытках Польши и прибалтийских стран добиться признания собственной версии нарратива о Второй мировой войне «идеологическую деколонизацию», т.е. стремление оспорить «намерения Западной Европы выступать в качестве модели для всей Европы». Такая линия поведения стала возможной лишь по завершении периода вступления в НАТО и ЕС, когда «определенные моменты их прошлого сознательно вытаскивались на поверхность в контексте, не допускавшем особой рефлексии» [Mälksoo, 2009, p. 656]. «Игры памяти» позволяют восточноевропейским политическим элитам «набирать очки» как на национальной, так и на европейской политической арене [Mink, 2008, p. 481].

Однако наиболее острая коллизия возникала именно с российским нарративом Великой Победы. Как точно заметил И. Торбаков, «новые исторические споры вокруг характера “освобождения” Восточной Европы Советским Союзом и “равной преступности Сталина и Гитлера” неизбежно подрывают статус России как “освободителя Европы” и подвергают эрозии тот символический капитал, на который она могла бы опереться в своих претензиях на “европейскость”» [Торбаков, 2012, с. 106].

Этим можно объяснить резкую реакцию российской власти и общества на международный скандал, вызванный попыткой политических элит стран Балтии и Польши воспользоваться организацией празднования 60-летия Победы в Москве, чтобы обратить внимание международного сообщества на неоднозначность итогов Второй мировой войны для их стран¹⁹. Как известно, в Европе День Победы во Второй мировой войне отмечается 8 мая; несоответствие дат коммеморации, обусловленное формально соображениями географического времени, но главным образом – политическими причинами²⁰, и в советское, и в постсоветское время использовалось, чтобы привлечь к участию в торжествах в Москве лидеров зарубежных стран. Это позволяло подчеркнуть особую роль СССР / России в освобождении Европы от нацизма. Однако в 2005 г. подготовка торжеств оказалась омрачена дискуссиями,

---

19. История празднования 9 Мая 2005 г. обстоятельно описана в литературе [Onken, 2007; Torsti, 2008; Mälksoo, 2009; Миллер, 2012б]. Сравнительный анализ двух юбилеев Победы – 2005 и 2010 гг. см.: Kangaspuro, 2011.

20. Напомню, что акт о капитуляции Третьего рейха в Реймсе был подписан советским представителем при союзном командовании генерал-майором И.А. Суслопаровым 7 мая, когда еще шли бои за Берлин (акт вступил в силу 8 мая в 23:01 по средневропейскому времени). Будучи крайне недовольным этим обстоятельством, Сталин поручил Г.К. Жукову принять общую капитуляцию представителей видов Вооруженных сил нацистов в Берлине. По московскому времени берлинский акт капитуляции был подписан 9 мая в 0:43.

которыми приглашение на празднование в Москве было встречено в ряде соседних стран. В результате президенты Эстонии и Литвы демонстративно отказались от участия в праздновании 9 Мая, а лидеры Латвии и Польши, приняв приглашение В.В. Путина, использовали его для заявлений, ставивших под сомнение правомерность доминирующего нарратива об освобождении²¹. Под благовидным предлогом не приехал на празднование и только что пришедший к власти на волне «оранжевой революции» президент Украины В. Ющенко. Комментируя свое решение ехать в Москву, президент Латвии В. Вике-Фрайберга выразила уверенность, что *«все демократические нации должны побудить Россию осудить преступления советской эры, совершенные во имя коммунизма»* [Vike-Freiberga, 2005].

В свою очередь, В.В. Путин в интервью германским телеканалам АРД и ЦДФ категорически отверг эту идею. Он критически отозвался о политике прошлого, признав, что «союзники как бы разделили сферы влияния», а СССР строил свою политику в отношении ближайших соседей «по своему образу и подобию», т.е. не на «демократических принципах». Однако, рассуждая о настоящем, Путин упорно апеллировал к концепции «новой России», подчеркивая, что *«наша страна сделала свой выбор в начале 90-х годов и, собственно говоря, способствовала именно тому, чтобы страны Восточной Европы почувствовали себя свободными»*. Он доказывал, что Россия не должна нести ответственности за действия СССР: по словам президента, извиняться имело бы смысл, *«если бы эти люди были гражданами Российской Федерации хоть когда-нибудь»* [Путин, 2005б]. Получалось, что, провозглашая «новую Россию» наследницей «тысячелетнего государства» и пытаясь опереться на его славные страницы, властвующая элита отказывалась от ответственности за сомнительные действия прежних режимов. Впрочем, следует иметь в виду, что в контексте международной практики восстановления исторической справедливости, сложившейся в XX в., признание такого рода ответственности имеет не только символическую, но и материальную сторону.

Международный «конфликт памяти» лишь укрепил значимость символа Великой Победы в качестве маркера современной российской идентичности. По стечению обстоятельств именно в 2005 г. в рамках акции, инициированной РИА «Новости» и РООСПМ «Студенческая община», возник веществен-

---

21. Как писала в статье, опубликованной в «*Вашингтон Пост*» накануне празднований, президент Латвии В. Вике-Фрайберга, в мае 1945 г. свободу получила лишь часть Европы, поскольку «с полного согласия западных союзных держав, Латвия, Литва и Эстония были заново оккупированы и аннексированы Советским Союзом, а еще дюжина стран Центральной и Восточной Европы перенесли новое узничество и десятилетия тоталитарного правления, став сателлитами Советской империи» [Vike-Freiberga, 2005].

ный символ, призванный олицетворять «память поколений» – Георгиевская ленточка. Полосатые оранжево-черные ленточки, имитировавшие традиционный биколор Георгиевской ленты – геральдического элемента дореволюционных наград за солдатскую доблесть, участники акции бесплатно раздавали желающим. Идея оказалась успешной – акция получила продолжение, в том числе и при финансовой поддержке со стороны центральных и региональных властей; в последующие годы при содействии российских внешнеполитических ведомств она была распространена и на некоторые страны ближнего и дальнего зарубежья. Нельзя не признать, что данная инициатива получила весьма широкую поддержку. Как и любой символ, обозначающий принадлежность к определенному сообществу памяти, в разных контекстах георгиевская ленточка способна нести различные смыслы. По определению А. Миллера, «это и “некоммунистическая” реакция на “исторический ревизионизм”, бросающий вызов мифу Великой Отечественной войны, и способ продемонстрировать солидарность с Россией, и политическая идентификация в конкретном политическом ландшафте» [Миллер, 2012б, с. 167–168]. Успех этой сравнительно недавно изобретенной традиции свидетельствует не только об эффективности выбранной политической технологии – знаки, которые можно прикреплять к одежде и иным предметам во многих странах «широко применяются как удобный и необременительный способ демонстрации поддержки различным общественным и политическим кампаниям» [там же, с. 165], но и о действительной значимости памяти о Великой Отечественной войне для современной российской идентичности.

Между тем стремление ряда соседних стран подвергнуть ревизии «нарративы победителей», которое проявляется не только в изменении их собственных практик коммеморации (в частности, в попытках героизации деятелей «национального освобождения», запятнавших себя сотрудничеством с нацистами и преступлениями против местного населения, демонтаже памятников советским воинам-освободителям и т.п.), но и в символических демаршах на международной арене, стало системным вызовом для российской политики памяти. В январе 2006 г. Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) приняла резолюцию о «необходимости международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов» (Резолюция 1481), которая вызвала волну протестов со стороны российских политиков и СМИ. Обсуждение предшествовавшего ей доклада вылилось в бурные дискуссии, в результате которых была скорректирована первоначальная формулировка об осуждении «преступлений коммунизма». Усилиями российской стороны параллельно была инициирована работа над резолюциями, осуждающими деяния режима Франко в Испании и о недопущении возрождения нацизма (приняты, соответственно, в марте и апреле того же года). Таким образом, порицание ПАСЕ оказалось распространено на любые тоталитарные режимы.

Болезненная реакция российского истеблишмента на эти события свидетельствовала о его неготовности вмонтировать в нарратив о Великой Победе критическую оценку советского «тоталитаризма», приверженность которой официально сохранялась (хотя и не часто артикулировалась). Одно дело использовать туманные намеки на «красно-коричневую угрозу» в борьбе против внутренних политических противников и совсем другое – признать «равенство вины» нацизма и коммунизма. Нарратив о Великой Победе, выступавший в качестве важной опоры новой российской идентичности, столкнулся с серьезными внешними вызовами.

Данное обстоятельство в совокупности с рядом других факторов – «цветными революциями» на постсоветском пространстве, ростом напряженности в отношениях с США и НАТО, – побудило властвующую элиту перейти к более активным мерам, направленным на утверждение поддерживаемого ею способа интерпретации прошлого, которые исследователи называют «исторической политикой» [см., напр.: Миллер, 2012а, с. 341]. В 2006 г. была предпринята первая попытка «упорядочить» преподавание истории в школе с помощью разработки принципиально нового набора учебников²². Первым итогом этих усилий стали учебник «История России. 1945–2007» и методическое пособие для учителей по периоду 1900–1945 гг., в которых, в частности, декларировался отказ от концепции тоталитаризма в пользу более «нейтральной» теории модернизации. Тогда же заговорили о необходимости принятия «мемориальных» законов, устанавливающих наказание за «неправильные» высказывания об истории Второй мировой войны и роли в ней СССР [Копосов, 2011, с. 228–255]. А в мае 2009 г. указом Д.А. Медведева была учреждена Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России при президенте РФ, просуществовавшая до февраля 2012 г. Ее создание сопровождалось множеством спекуляций относительно ужесточения контроля государства над общественным дискурсом и исторической наукой, и можно сказать, что символический эффект оказался намного значительнее практических последствий (о деятельности комиссии см.: Нарышкин, 2011). Впрочем, как показал А. Миллер, «историческая политика» второй половины 2000-х годов имела спады и подъемы; в 2010 г. на фоне «перезагрузки» российско-американских отношений наметилась тенденция к «разрядке» напряженности в отношениях с некоторыми соседними странами [Миллер, 2012а, с. 342–350]. Свою лепту в этот процесс внесла трагедия с авиакатастрофой под Смоленском, в которой погибла польская официальная делегация, летевшая на мемориальное мероприятие в Катыни; открытая и искренняя реакция российской политике-

---

²² Этот эпизод достаточно обстоятельно описан в литературе, см.: Карпан, 2009; Миллер, 2012а и др.

ской элиты на это событие способствовала продвижению двустороннего диалога о «трудном» прошлом. На этом фоне празднование 65-летия Победы в 2010 г. прошло гораздо спокойнее, чем в 2005 г. [см.: Kangaspuro, 2011]. Тем не менее разнонаправленность векторов символической политики России и ее ближайших соседей по-видимому еще долгое время будет провоцирующим фактором для российской «исторической политики».

Не менее сложной проблемой оказывается сопряжение символа Великой Победы с нарративом о советском прошлом: если относительно значимости первого существует более или менее устойчивый консенсус, то по поводу содержания второго имеет место борьба диаметрально противоположных позиций. Отражением этой проблемы являются бесконечные споры о включении в официальный канон коммеморации Победы фигуры И.В. Сталина. В то время как для коммунистов и части националистов кажется «странным», что «на официальных празднествах в честь Дня Победы... не только нельзя увидеть портретов Верховного главнокомандующего, но и услышать в его адрес хоть одно теплое слово» [Зюганов, 2008; ср. Сталинград... 2013], люди либеральных и демократических убеждений считают морально неприемлемым «публично восхвалять или пропагандировать Сталина» [Преодоление сталинизма, 2013, с. 14]. Выразив в начале 2000-х годов готовность частично «реабилитировать» советское прошлое, власть оказалась перед необходимостью реагировать на периодически возникающие запросы о возвращении в коммеморативный канон имени Сталина.

Позиция Путина на этот счет с самого начала была уклончивой. С одной стороны, он неоднократно соглашался обсуждать эту «трудную» тему, выражая тем самым понимание позиции тех, кто ее поднимает. Так, в 2002 г. во время прямого теле- и радиоэфира он сам выбрал вопрос о переименовании Волгограда. Отметив, что он задан не по адресу – переименование населенных пунктов относится к компетенции региональных властей и федеральной законодательной власти, – Путин счел нужным сформулировать собственное мнение по данному вопросу. Подтверждая, что Сталинградская битва войдет в мировую историю *«как один из ярчайших эпизодов Второй мировой войны»*, он подчеркнул, что город был переименован «не нами». С другой стороны, доказывая, что обратное переименование нежелательно, ибо может породить *«какие-то подозрения в том, что мы возвращаемся к временам сталинизма»* [Путин, 2002а], президент демонстрировал, что разделяет озабоченность противников такого хода событий. В том же духе Путин высказывался по вопросу о переименовании Волгограда и в 2009 г., в качестве премьер-министра, и в 2014 г.

Более определенную позицию относительно «возвращения Сталина» в праздничный канон занял в 2010 г. Д.А. Медведев. Вероятно, реагируя на слухи о возможном использовании плакатов с изображением генералиссимуса

во время празднования в Москве 65-летия Победы, распространявшиеся СМИ, президент в предпраздничном интервью газете «Известия» счел нужным дать «государственную оценку» фигуре генералиссимуса. *«Сталин совершил массу преступлений против своего народа, – заявил Медведев. – И несмотря на то что он много работал, несмотря на то что под его руководством страна добивалась успехов, то, что было сделано в отношении собственного народа, не может быть прощено»* [Медведев, 2010а].

Очевидно, что тема Сталина не относится к той части советского исторического наследия, которое вполне удобно для включения в апологетический нарратив «тысячелетнего государства»: официально сохраняя приверженность демократическим ценностям, современная российская власть не может открыто героизировать политика, совершившего «массу преступлений в отношении собственного народа». Вместе с тем было бы неправильно говорить о полном согласии на этот счет в рядах властвующей элиты: предложения о «возвращении» имени Сталина в разные годы встречали публичную поддержку у мэра Москвы Ю. Лужкова, спикера Совета Федерации В. Матвиенко, вице-премьера Д. Рогозина и других федеральных политиков.

Изменения в курсе символической политики, наметившиеся с возвращением В.В. Путина в кресло президента в мае 2012 г. – в частности, крен в сторону «патриотизма» и антизападничества – способствовали усилению борьбы с «фальсификаторами» истории Великой Отечественной войны. В апреле 2014 г. после нескольких неудачных попыток в России все-таки был принят закон, дополняющий Уголовный кодекс РФ статьей, карающей за «реабилитацию нацизма» (его обстоятельный анализ см.: Копосов, 2014). Работа над ним активизировалась после скандала с телеканалом «Дождь», который в январе 2014 г. провел опрос мнений зрителей по вопросу: «Нужно ли было сдать Ленинград, чтобы сберечь сотни тысяч жителей?» Опрос вызвал критическую реакцию в СМИ и социальных сетях; многие кабельные каналы отказались от сотрудничества с «Дождем», тем самым поставив этот телеканал на грань выживания. Вновь принятый закон вводит уголовную ответственность за «отрицание фактов», установленных Нюрнбергским трибуналом, и одобрение установленных им преступлений, а также за «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны», совершенных публично [ФЗ, 2014, N 128-ФЗ]. Трудно сказать, как сложится практика применения данного закона. Однако очевидно, что он задуман в качестве инструмента устрашения, ограничивающего распространение интерпретаций истории военного периода, альтернативных официально одобренным.

Память о Великой Отечественной войне оказалась наиболее «пригодным» для политического использования элементом коллективного прошлого. Все лидеры постсоветской России стремились опереться на символический

потенциал победы над нацистской Германией для легитимации собственной политики. Но делалось это по-разному. Б.Н. Ельцин пытался вписать память о войне в «критический» нарратив, противопоставляющий «новую» Россию «старой», советской; в этой логике победа над нацистской Германией представлялась как подвиг народа, совершенный скорее вопреки, чем благодаря коммунистическому режиму. Однако эта интерпретация не стала предметом общественного «согласия». В начале 2000-х годов «критический» нарратив был пересмотрен в пользу концепции, подчеркивающей преемственность «тысячелетнего» Российского государства; победа в Великой Отечественной войне и превращение СССР в мировую сверхдержаву стали центральными элементами новой смысловой схемы отечественного прошлого. При этом символ Победы был «отделен» от негативной памяти о сталинском режиме (массовых репрессиях, ошибках первого периода войны, непомерно высокой цене некоторых военных успехов и т.п.). Это делает возможной его «смысловую инфляцию», но одновременно затрудняет его вписывание в общий нарратив. Кроме того, в условиях радикальной трансформации европейских режимов памяти «апологетическая» версия Великой Победы сталкивается со множественными вызовами извне.

Литература

1. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. – М.: Институт социологии РАН; Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 752 с.
2. Ельцин Б.Н. Фрагмент выступления президента России Б.Н. Ельцина 9 мая на приеме в Государственном Кремлевском дворце // Российская газета. – 1995а. – № 90. – 11 мая.
3. Ельцин Б.Н. Великий день Победы нашей. Выступление президента РФ Б.Н. Ельцина на параде, посвященном 54-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне // Российская газета. – М., 1999. – 12 мая. – № 90.
4. Журженко Т. «Общая победа»? «Чужая война»? Национализация памяти о Второй мировой войне в украинско-российском приграничье // Пути России. Историзация социального опыта / Том XVIII. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – С. 93–125.
5. Зюганов Г.А. Сталин и современность. – М.: Молодая гвардия, 2008. Режим доступа: <http://www.politpros.com/library/9/223/>
6. Копосов Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 320 с.
7. Копосов Н.Е. Память в законе // Русский журнал. – М., 2014. – 8 апреля. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Pamyat-v-zakone>
8. Малинова О.Ю. Образы России и «Запада» в дискурсе власти (2000–2007 гг.): Попытки переопределения коллективной идентичности // Образ России в мире: Становление, восприятие, трансформация / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: ИМЭМО РАН, 2008. – С. 86–106.
9. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 207 с.
10. Медведев Д.А. Выступление на Военном параде в честь 63-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2008а. 9 мая. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/30>

11. Медведев Д.А. Выступление на военном параде в честь 64-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2009а. 9 мая. Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/4015>
12. Медведев Д.А. Россия, вперед! // Интернет-издание «Газета.Ру». 2009б. 10 сентября. Режим доступа: http://gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml
13. Медведев Д.А. «Нам не надо стесняться рассказывать правду о войне – ту правду, которую мы выстрадали» // Известия. 2010а. 7 мая. Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/pobeda/article3141617/>
14. Медведев Д.А. Выступление на приеме от имени Президента России по случаю 65-летия Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2010в. 9 мая. Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/7688>
15. Медведев Д.А. Встреча с ветеранами Великой Отечественной войны и представителями военно-патриотических организаций // Портал «Президент России». 2011б. 8 мая. Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/11191>
16. Медведев Д.А. Выступление на военном параде, посвященном 66-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2011в. 9 мая. Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/11196>
17. Миллер А.И. Историческая политика в России: Новый поворот? // Историческая политика в XXI веке / Под ред. А. Миллера, М. Липман. – М.: Новое литературное обозрение, 2012а. – С. 328–367.
18. Миллер А.И. Политические символы и историческая политика // Символическая политика: Сб. науч. тр.: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / РАН ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Ред. кол.: О.Ю. Малинова – гл. ред. и др. – М., 2012б. – Вып. 1. – С. 164–174.
19. Нарышкин С.Е. Современный мир: История не остается безучастной. Интервью редакции журнала «Вестник МГИМО-Университета» // Сайт МГИМО-Университет. Опубликовано 25.11.2011. Режим доступа: http://www.mgimo.ru/news/university/document_213204.phtml
20. Преодоление сталинизма. – М.: РОПД «Яблоко», 2013. – 160 с.
21. Путин В.В. Выступление на параде, посвященном 55-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2000а. 9 мая. Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2000/05/09/0001_type82634type122346_28722.shtml
22. Путин В.В. Выступление на торжественном приеме, посвященном 55-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2000б. 9 мая. Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2000/05/09/0002_type122346_28725.shtml
23. Путин В.В. Выступление на приеме по случаю 58-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2003а. 9 мая. Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2003/05/09/0002_type122346_44367.shtml
24. Путин В.В. Выступление на военном параде, посвященном 59-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2004а. 9 мая. Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2004/05/09/1239_type82634type122346_64239.shtml
25. Путин В.В. Интервью германским телеканалам АРД и ЦДФ // Портал «Президент России». 2005б. 5 мая. Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2005/05/05/2243_type63374type63377type63379_87570.shtml
26. Путин В.В. Выступление на приеме, посвященном 60-й годовщине Великой Победы // Портал «Президент России». 2005г. 9 мая. Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2005/05/09/1444_type63374type82634type122346_87849.shtml

-
27. Путин В.В. Выступление на военном параде в честь 62-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2007. 9 мая. Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/05/09/1127_type63374type82634type122346_127658.shtml
28. Путин В.В. Выступление на военном параде в ознаменование 67-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2012а. 9 мая. Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/15271>
29. Путин В.В. Выступление на тожественном приеме в честь 67-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2012б. 9 мая. Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/15272>
30. Путин В.В. Выступление на военном параде в ознаменование 68-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2013б. 9 мая. Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/18089>
31. Путин В.В. Выступление на торжественном приеме в честь 68-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2013в. 9 мая. Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/18092>
32. Путин В.В. Выступление на торжественном приеме в честь 69-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2014б. 8 мая. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/20988>
33. Путин В.В. Выступление на военном параде в ознаменование 69-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2014в. 9 мая. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/20989>
34. Путин В.В. Выступление на открытии памятника героям Первой мировой войны // Портал «Президент России». 2014 г. 1 августа. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/46385>
35. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. – М.: Праксис, 2004. – 464 с.
36. Сталинград – государственная идея России. Декларация Изборского клуба // Завтра. 2013. № 46 (1043). 14 ноября. Режим доступа: <http://zavtra.ru/content/view/stalingrad-gosudarstvennaya-ideya-rossii-2/>
37. Торбаков И.Б. «Непредсказуемое» или «неопределенное» прошлое? Международные отношения и российская историческая политика // Символическая политика: Сб. науч. тр.: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / РАН ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Ред. кол.: О.Ю. Малинова – гл. ред. и др. – М., 2012. – Вып. 1. – С. 91–125.
38. Федеральный закон Российской Федерации от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2014. Федеральный выпуск № 6373. 7 мая. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/05/07/reabilitacia-dok.html>
39. Coakley J. Mobilizing the past: Nationalist images of history // *Nationalism and Ethnic Politics*. – Philadelphia, 2007. – Vol. 10. – N 4. – P. 531–560.
40. Judt T. The past is another country: Myth and memory in post-war Europe // *Memory and Power in Post-War Europe. Studies in the Presence of the Past* / Ed. by J.-W. Müller. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 157–183.
41. Kaplan V. The Vicissitudes of Socialism in Russian History Textbooks // *History and Memory*. – Bloomington, IN, 2009. – Vol. 21. – N 2. – P. 83–109.
42. Kangaspuro M. The Victory day in history politics // *Between utopia and apocalypse. Essays on social theory and Russia* / Ed. by E. Kahla. – Jyvaskyla: Bookwell, 2011. – P. 292–304.

43. Kattago S. Agreeing to disagree on the legacies of recent history. Memory, pluralism and Europe after 1989 // *European Journal of Social Theory*. – 2009. – Vol. 12. – N 3. – P. 375–395.
44. Langenbacher E. Collective Memory as a Factor in Political Culture and International Relations // *Power and the Past. Collective Memory and International Relations* / Ed. by E. Langenbacher, Y. Shain. – Washington: George Town University Press, 2010. – P. 13–49.
45. Mälksoo M. The memory politics of becoming European: The East European subalterns and the collective memory of Europe // *European j. of international relations*. – L., 2009. – Vol. 15, N 4. – P. 653–680.
46. Mink G. Between Reconciliation and the Reactivation of Past Conflicts in Europe: Rethinking Social Memory Paradigms // *Czech Sociological Review*. – Prague, 2008. – Vol. 44, N 3. – P. 469–490.
47. Mink G., Neumayer L. Introduction // *History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe: Memory Games* / Ed. by G. Mink, L. Neumayer. – Basingstoke etc.: Palgrave Macmillan, 2013. – P. 1–20.
48. Onken E.-C. The Baltic states and Moscow's 9 May commemoration: Analyzing memory politics in Europe // *Europe-Asia Studies*. – Glasgow, 2007. – Vol. 59, N 1. – P. 23–46.
49. Schopflin G. The functions of myth and a taxonomy of myths // *Myths and nationhood* / Ed. by G. Hosking, G. Schopflin. – N.Y.: Routledge etc., 1997. – P. 19–35.
50. Shevel O. The politics of memory in a divided society: A comparison of post-Franco Spain and post-Soviet Ukraine // *Slavic Review. Urbana-Champaign (Ill.)*, 2011. – Vol. 70, N 1. – P. 137–164.
51. Simon A., Xenos M. Media Framing and Effective Public Deliberation // *Political Communication*. – L., etc., 2000. – Vol. 17, N 4. – P. 363–376.
52. Torsti P. Why do history politics matter? The case of the Estonian Bronze Soldier // *The Cold War and Politics of History* / Ed. by J. Aunesluoma, P. Kettunen. – Helsinki: Edita Publishing Ltd., 2008. – P. 19–35.
53. Vike-Freiberga V. Rights and Remembrance // *The Washington Post*. 2005. May 7. Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2005/05/06/AR2005050601217.html> (assessed 4.04.2015).